

Ярослава Казакова

**Чудаки
из дома
напротив**

Рассказы

Ярослава Казакова

**Чудаки из дома
напротив. Рассказы**

«Издательские решения»

Казакова Я. А.

Чудаки из дома напротив. Рассказы / Я. А. Казакова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-963547-1

В книге описываются яркие, интересные характеры, замысловатые перипетии женских судеб. Рассказ ведётся от лица весёлой, любознательной домохозяйки Марины.

ISBN 978-5-44-963547-1

© Казакова Я. А.
© Издательские решения

Содержание

Дорожная сумка	6
Как Танюха чуть было дизайнером не стала	11
Как Танюха мужа на измену проверяла	16
Девка-горёвка	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Чудаки из дома напротив

Рассказы

Ярослава Алексеевна Казакова

© Ярослава Алексеевна Казакова, 2019

ISBN 978-5-4496-3547-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дорожная сумка

Однажды мне прислали в подарок потрясающей красоты дорожную сумку. Собственно говоря, потрясающим в ней был только изумительно глубокий красный цвет, а во всём остальном сумка как сумка ничего особенного, прямоугольная с закруглёнными уголками. Размер её был сделан небольшим, видимо, специально, чтобы женщина, собирающая её, не упихала туда ненароком весь свой гардероб и не надорвалась дорогой.

Так получилось, что открывала я посылку с этой сумкой на глазах своей соседки и приятельницы, 30-летней разведёнки по имени Танюха.

Танюха классная в общем-то бабёнка: весёлая, добрая. Вдобавок, она хорошо гадает на картах и в случае чего всегда посочувствует и вытрет сопельки, но есть у неё один, как мне тогда казалось, недостаток – Танюха жутко завистлива. Из тех, о ком говорят: хозяйственного мыла кусок покажи – обзавидуется. Вот и теперь, увидев какую красоту мне прислали, она недовольно сощурилась и принялась за поиски недостатков вещи, накопив их, не сходя с места, как минимум, три. В ответ на её замечания я отшучивалась. В итоге мы обе, спустя две минуты, уже покатывались со смеху. Танюха была, как я уже сказала, весёлой и очень отходчивой.

В общем, в тот вечер мы попили чайку, пощебетали, погадали на картах, и Танюха с дочкой благополучно отбыли домой. У Танюхи замечательная дочка Дашенька: белокурое ангелоподобное существо с неземными глазами, и это тоже большой плюс, потому что и у меня есть дочка примерно того же возраста. Пока мы общались, её Дашенька всегда играла с моей Верочкой, так что никто не мешал нам дуть чай литрами и обсуждать всякую важную для нас ерунду.

Девочки очень хорошо играли вдвоём, правда, периодически влетали к нам в кухню, истошно вереща и окрашивая всё вокруг кровичей из разбитых губ или носов. Ну, или волоча за собой сломанную куклу. Или потрясая разорванным напополам моим анатомическим атласом. Это добавляло разнообразия в наши и без того нескудные дружеские посиделки, а затем и в их безмятежные детские сны.

Ещё у нас с Танюхой было общее увлечение. Мы с ней покуривали тонкие длинные сигареты с ментолом втайне от своих домашних. Закроемся в ванной на шпингалет, включим вытяжку и дышим себе в своё удовольствие, делись совсем уж неслыханными тайнами и самыми упоительными на свете историями. Бывало, девочки не обращали на это никакого внимания, но чаще всего они тут же начинали барабанить в дверь и спрашивать, что мы там делаем. Ответ у нас всегда был один: мы делаем друг другу уколы.

Я понимаю, это звучит даже ещё хуже, чем «мы здесь курим», но так уж повелось. Танюха в первый раз ответила этой фразой, фраза сработала, и к нам не приставали с расспросами о том, что мы там делаем, по меньшей мере, ещё минуты три. Девочки в том своём нежном возрасте ещё ничего не знали о наркомании, но прекрасно представляли, что такое укол, и на наш вопрос, не хотят ли они тоже по укольчику, ангелочки с дикими визгами убежали надолго. Минут на пять. Впрочем, нам большего было и не надо.

Танюха с Дашкой жили сначала в одном с нами подъезде, а потом в соседнем. Тоже огромный плюс: не надо было ни ехать друг к дружке, ни пробираться буераками, и знали мы друг о друге всё – кто к кому пришёл, когда, во что он был одет, во сколько ушёл...

Я прекрасно знала, что после развода танюхина личная жизнь не ладится. Несмотря на это, Танька очень любила поговорить о личном, пусть даже и не существующем, фронте. Поэтому я всегда интересовалась, как обстоят её сердечные дела. В ответ она сначала ударялась в несбыточные мечты, а потом шутила. Вначале горько, потом всё веселей, и дело обычно заканчивалось очерёдным приступом безудержного смеха.

Ах, эти приступы смеха! Если бы не они, мы бы обе сошли с ума в тот крайне непростой для нас обеих период. Всё давно закончилось, а я до сих пор вспоминаю Танюху с улыбкой, теплом и благодарностью.

Ровно через неделю после получения мной посылки с красной дорожной сумкой, пасмурным воскресным утром, мне позвонила Танюха и убедительно попросила меня немедленно к ней зайти. По её тону маршала перед решающим сражением я поняла, что дело серьёзное, и не посмела ослушаться. Всего через каких-то сорок минут (Не идти же мне в соседний подъезд неприбранным чучелом, в самом-то деле!) я была как штык у неё. Дочку Танюхи забрал на выходные её замечательный батя, оказавшийся в своё время никуда не годным мужем, и Танюха неспешно занималась хозяйством в гордом одиночестве. Между нами состоялся примерно такой диалог:

– Маринка, ты можешь одолжить мне ту свою красную дорожную сумку? Ну, очень надо! – Вы только не подумайте, друзья, что тон её был просительным. Он был как раз такой ничего себе тон! Вернее ого-го какой! В общем, всё тот же маршал глаголил танюхиными устами.

– Конечно! – Ответила я сладким голосом. – Бери, пожалуйста. Тебе когда принести? – Уж очень люблю я, грешница, разыгрывать из себя добрую фею.

– Да занеси как-нибудь на недельке, – небрежно ответствовала Танюха, упорно не желавшая расстаться с тоном полководца и демонстративно не замечавшая моих щедрот и любезностей. – Она мне в следующую субботу понадобится.

– Куда-то едете? – Вежливо поинтересовалась я. – С Дашей или с мамой?

– С женихом! – Выстрелила Танюха.

Я так и замерла на пороге с настежь открытым ртом и застрявшими в нём очередными своими милостями и любезностями. Выстрел её поразил меня насмерть. Всё дело в том, что ещё на прошлой неделе у неё не было не то чтобы жениха... Завалящего знакомого, с которым можно безопасно пофлиртовать не было! Несчастливого-разнесчастливого любовника с полудохлой розочкой и поломанной шоколадкой по большим праздникам не наблюдалось! А тут, глядите-ка, жених! Ай да Танюха! Ай да жених-сукин сын! Как же они удачно зашифровались! Это с её-то болтливостью, и ничего не рассказать... Да-а-а... Настоящий подвиг!

– С женихо-о-ом? – Переспросила я, растягивая слоги. Всю жизнь не могу избавиться от этой привычки. Да, и не очень хочется, если честно.

– Да, с женихом, – солидно подтвердила Танюха и замолчала. Эх, Танюха – Танюха!.. Ну, где же твой всегдашний весёлый щебет? Где непрерывный поток слов из твоих румяных уст? Вместо всего этого плавная важность, таинственная немногословность и невероятно серьёзная мина на милом персиковом личике.

Следующие полчаса я выпытывала всё, что могла из этой великой скрытницы. Я щедро сыпала вопросами, на которые получала крайне неохотные и скупые ответы, и вот что мне удалось узнать. Жених Татьяны (Какая же она теперь Танюха с таким-то женихом?!) старше неё на пятнадцать лет. Бизнесмен. Живёт в трёхэтажном коттедже. Имеет три машины. Не ржавые шестёрки, разумеется. Она, конечно, в машинах не разбирается, но точно знает, что они очень крутые.

Ещё у него в качестве домашнего питомца на первом этаже живёт питон. Питомец питон. Питонец, мать вашу! Он кроликов кушает. Живых. Но как только они поженятся, Танюха непременно заставит его эту гадость выкинуть! По её настрою сразу было ясно: заставит непременно. Ишь ты, чего развёл! Питонцев каких-то... Кошечку надо держать. Ну, собачку, в крайнем случае. Только не питбуля, конечно, и не ротвейлера, а то он ещё, неровён час, Дашу укусит.

Через неделю Татьяна и её жених едут в Москву с моей красной сумкой, а в свадебное путешествие непременно махнут в Турцию. В Анталию. И Дашу с собой возьмут.

– А он не будет против? – Робко поинтересовалась я. – Может вот так сразу-то не надо с Дашей? Может, с бабушкой её лучше оставить? – Посыпались из меня добрые наводящие вопросы.

Это только то, что я осмелилась сказать, а о скольком я ещё умолчала, дабы не травмировать Татьяну!

Дело в том, что её Даша очень приставучий ребёнок. Она не ревет, не закатывает истерику, не бегаёт и не крушит всё, что видит. Она просто докапывает и докапывает вас, пока вы не завизжите истошным голосом. Больше двух минут девочка ничем заниматься не может, зато приставать к взрослым с разными дурацкими просьбами и вопросами она может очень долго и качественно. Кажется, некоторые дети имеют обыкновение играть людьми вместо игрушек. Вдобавок, Даша страдает ночным недержанием, а иногда и дневным... Но Танюха не оценила мою тактичность.

– Нет! – Жахнула она, так, что кровь бросилась ей в лицо от возмущения. – Никаких бабушек! Ребёнок должен поехать с нами на море и точка!

Далее последовала пространная лекция о пользе турецкого моря для здоровья российских детей, но не всяких там детей вообще, а именно её Даши. Даша дожила до четырёх лет и ни разу не видела моря. И вообще!

Пока Татьяна разорялась на эту тему, у меня созрел следующий вопрос. Иногда сама на себя злюсь, но ничего не могу поделать с этой глупой привычкой: задавать вопросы. За это меня обожали преподы во время учёбы в универе, и терпеть не могли местные сплетницы. Они почему-то думают, что вопросы здесь задают только они.

Итак, дождавшись конца умных рассуждений подруги, я самым невинным тоном поинтересовалась, чем же занимается её жених.

– Он бизнесмен! – Отрезала Татьяна.

– Это понятно, – успокоила я. – А какой именно у него бизнес? Торговля? Автосервис? Транспортные услуги?

Вот тут-то Татьяна и стушевдалась, сразу превратившись в привычную мне Танюху. Она залилась краской, опустила глаза и промямлила:

– Я не знаю...

– Как не знаешь? – Вытаращила я на неё свои и без того не маленькие глазищи. – Почему не знаешь? Разве так можно?! А вдруг там криминал какой? – В те благодатные нулевые мы ещё не совсем отошли от беспредела девяностых, и слово «бизнесмен» звучало для нас вполне себе неоднозначно.

– Не знаю... – Снова промолвила Танька, опустив голову. – Мы с ним ещё не знакомы.

Ну, знаете, граждане! Эта женщина точно решила меня сегодня убить. Сначала фактом наличия крупной рыбы на полном безрыбье, потом подробно расписанными планами на совместное будущее с этой самой рыбой, а на десерт – нате вам! Они, оказывается, ещё и незнакомы!

– Т-т-так к-к-к-как-кой же он тебе же-же-жених, если вы да-да-да-даже не з-з-знакомы? – Выдавила я из себя, заикаясь.

Раньше я этой привычки за собой не наблюдала. Видимо, заикой человека может сделать не только сильный стресс, но ещё и Танюха, например.

– А, такой! – Взорвалась Танюха. – Нормальный жених! И мне плевать, чем он занимается! И мне всё равно, что он старше на пятнадцать лет! – Она довольно долго что-то ещё выкрикивала, но всё как-то не по делу.

В ходе нашего с ней странного разговора Танька пыталась гладить постельное бельё, и теперь, забыв о криво свисающей простыне окончательно, колотила утюгом по гладильной доске в такт своим пламенным лозунгам. Лицо её сделалось пунцовым. Груды яростно подпрыгивали под зелёньким в синюшную розочку халатиком. Зрелище было, надо сказать, совсем

не для слабонервных! Нормальная соседка уже бежала бы от Таньки, загня хвост, а если бы она была ещё и впечатлительной, как моя мама, например, то при этом, возможно, вопила бы от ужаса на весь квартал. Но я-то не робкого десятка девушка! К тому же, у меня созрел очередной вопрос.

– Танюш, а почему ты решила, что этот дядя хочет на тебе жениться? – Я постаралась вложить в голос максимум доброты и мягкости, а то мало ли чего.

– Он сам сказал, что ищет жену, и что я идеально подхожу ему.

– КОМУ сказал? – Уточнила я с лёгким нажимом в голосе.

– Серёге сказал. А Серёга сказал мне.

Тут стоит сделать маленькое отступление и пояснить кое-что за Серёгу. Серёга – молодой человек лет девятнадцати. Мальчик ещё, можно сказать. Живёт с мамкой и батей в квартире над Танюхой. Иногда, когда Серёге кажется, что никто не видит, он к Таньке захаживает. Только не подумайте дурного, вовсе не за тем, о чём вы уже успели подумать. Они просто друзья. Он к ней как к старшей сестре относится. Помогает, чем может, по хозяйству, они чаёвничают и болтают обо всём на свете. Не знаю как вы, а я Танюхе верю, потому что болтать и чаёвничать она умеет очень хорошо.

И вот этот мальчик, принимая близко к сердцу проблемы несчастной одинокой женщины, решил ей помочь и познакомить с одним из своих заказчиков. К слову сказать, мальчишка работает в мастерской по изготовлению и установке крутых деревянных окон и ещё какой-то лабуды в этом духе. Думаю, уже ясно, что это тот самый заказчик, с бизнесом, крутым коттеджем, тремя машинами и питоном. Это он ляпнул зачем-то, что ему нужна жена, а Серёга принялся расхваливать на все лады свою замечательную соседку.

Дяденька послушал-послушал, да и назначил им встречу в будущий вторник вечером в ресторане. Ясный пень, что Танюха ему, конечно же, понравится, он сам сказал, что именно такая жена ему и приболела! До субботы они станут женихом и невестой, он её возьмёт с собой в командировку в Москву с моей красной дорожной сумкой, потом они поженятся, поедут в Турцию, после она заставит его выкинуть этого дурацкого питона...

Поток танюхиных слов уносил её всё дальше и дальше от этой нудной действительности. Туда, на турецкое побережье, отсюда, с окраины нашего небольшого поволжского городка. Туда, в трёхэтажный коттедж, отсюда, из маленькой квартирki с безнадёжно кривыми стенами и потолками, неисправной электропроводкой и ржавыми водопроводными трубами. Туда, к крутой итальянской плите и дорожке немецкой стиральной машине отсюда, с пришизгнутой кухоньки и, главное, подальше от этой гнусной работы няней в плохоньком детсаду.

Танька несла и несла какую-то пургу о курортах Европы, стоимости элитных квартир и аллергенности террариумных животных. Ещё о том, как она скоро сдаст на права, выучится на дизайнера, родит своему новому мужу ребёнка, потом следующего...

Я поняла, что если сейчас не уйду, случится что-то плохое. Например, я ударю Таньку вон той старой-престарой, привезённой из деревни от прабабушки, табуреткой.

Неожиданно вспомнив, что у меня полно дел, и наскоро попрощавшись, я отправилась домой, недоумевая про себя, какого чёрта эта толстозадая гражданка отняла у меня драгоценных полтора часа выходного дня. За это время я могла бы вылизать квартиру до блеска, постирать, выполоскать и развесить бельё, как следует разругаться с мужем... Да мало ли что я могла! Танька же поломала мне весь оставшийся день, потому что от её болтовни у меня начало слегка двоиться в глазах, а это для меня верный признак неумолимо приближающейся мигрени. Я всегда надеюсь, что, может быть, не в этот раз, но нет: и в этот, и в предыдущий, и в следующий раз всегда одно и то же. В общем, меняхватило в тот день только на вялую перепалку с мужем, а дальше я была очень больна на голову до глубокой ночи.

В следующий раз мы увиделись с Танюхой случайно в среду вечером. К тому времени весь этот бредовый выходной успел подвыветриться из моей памяти. Я бодренько скакала

с работы с сумкой и двумя продуктовыми пакетами наперевес, а Танюха стояла у своего подъезда, и вид у неё был совсем не как у счастливой невесты богатого бизнесмена. Она скорее напоминала бы девочку со спичками из всеми любимой сказки Андерсена, если бы не её девяносто килограммов веса при росте метр шестьдесят с кепкой.

Я сразу поняла, что моя красная дорожная сумка никуда в эту субботу не поедет, но поинтересовалась из вежливости, как прошла вчерашняя встреча.

Устало махнув рукой, Танюха поведала, что они просидели с Серёгой в ресторане до полуночи, пропили на соке, минералке и лёгкой закусочке последнюю наличность, вдобавок она не спала потом ночь, а «этот козёл» так и не пришёл и даже не позвонил. Серёга сам раз двадцать звонил ему по сотовому телефону, но вредный дядька сбросил все звонки. Потом они ещё долго гуляли по Набережной, и Серёга, как мог, убеждал Танюху, что это не конец света, и всё будет хорошо.

Я восхитилась Серёгиной преданностью и предложила ей подождать, когда он подрастёт. Может, сгодится тогда ещё на что-нибудь, кроме чистой дружбы... Мы привычно поржали, и я поскакала дальше.

Вот тебе, бабушка, и Москва с Турцией, и питон с правами, и красная дорожная сумка в придачу!

У своего подъезда я оглянулась на свою приятельницу-фантазёрку ещё раз. Цветастая блузочка с рукавом до локтя, чтобы можно носить и зимой, и летом. Длинная юбка из слишком плотного для такой тёплой погоды материала. Хорошие, но до ужаса стоптанные туфли на высоком каблуке. Очень пышные тела. И кудри-кудри-кудри. Вот она, собственно говоря, вся Танюха.

Да, прекрасная персиковая кожа. Да, милое кругленькое личико. Да, розовые пухлые губки цвета лепестков пиона... Но это не жена крутого бизнесмена. Это жена простого слесаря. Бывшая жена.

Как же грустно, граждане! Вот бы ей бы сейчас нормального, непьющего мужика! Водителя маршрутки, например, ну, или троллейбуса какого-нибудь. Или установщика дверей с окнами, но только не такого юного как Серёга. И пусть она будет если не счастлива, то хотя бы удовлетворена что ли. Пусть родит ещё одного ребёнка. Или даже не одного. Пусть дальше фантазирует о карьере дизайнера, а ночью пусть ей приснится тот самый далёкий турецкий берег, подёрнутый белой дымкой... И пусть её новый муж любит её саму, её Дашу и всех их других детей... Только пожалуйста, Танюха, миленькая... Не лезь ты не в свои сани! Ведь выражение «знай своё место» не всегда было ругательным.

Знай своё место, пешеход, на тротуаре, не лезь на дорогу, и не будешь задавлен ни одним транспортным средством. Знай своё место, мать семейства, не пытайся быть отцом, и семья твоя будет цела, не развалится. Знай своё место, детсадовец, не пытайся подружиться с пятиклассниками, и не получишь на свою головёнку многих неприятностей.

Знай своё место и ты, красная дорожная сумка. Отправляйся-ка ты до поры на антресоли.

И тебе, Танюха, неплохо бы знать своё место. Какие тебе бизнесмены с деревянными окнами и живые кролики с крутыми машинами?! Но куда там! Эта мадам ещё не раз удивляла меня своими искромётными фантазиями, кои летели из неё как комья из-под копыт резвого коня, но об этом как-нибудь в следующий раз.

Как Танюха чуть было дизайнером не стала

Моя соседка по дому и приятельница Танюха по сути своей и по виду была до ужаса обычная домохозяйка: арбузного размера груди, внушительный зад, цветастые блузки, узковатые смешные платяица, юбки из ацетатного шёлка, красиво струящиеся по ветру... Но я любила Таньку не за всё это, а за то, что она добрая, смешная и весёлая, независимо от того, что происходит в её глупой и пёстрой жизни.

В далёкие послешкольные годы Танечка по совету родителей отправилась учиться на юриста, но не в славную Академию Права, а в вуз попроще и подешевле, ибо выдающимися знаниями девица не обладала, а родители её богачами не были. Это было огромной ошибкой, потому что к правоведению Танюха любви не питала, и училась так, чтобы не выгнали и чтобы не очень расстраивать родителей. Средненько, в общем, училась, лишь бы отвязаться.

Когда я в первый раз попала к ней домой, меня очень удивила одна вещь. Нет, вовсе не прабабушкина мебель и щербатая посуда. Кого этим вообще можно удивить в нашем районе? Удивило меня полнейшее отсутствие в доме юриста книг по юриспруденции, праву и прочим подобным материям. Не было у Танюхи не то, чтобы разных кодексов – Гражданского, Семейного или Уголовного – даже Конституции РФ в наличии не имелось! Не было и юридических компьютерных программ. Да и сам компьютер появился спустя много лет после окончания института.

Кого, однако, ныне удивишь отсутствием книг и интереса к изучаемой специальности? Разве что какого-нибудь бронтозавра вроде меня. Сейчас ежегодно выпускается масса таких вот дипломированных специалистов, и найти работу для них год от года становится всё сложнее. В те же не такие уж далёкие славные нулевые это явление только начинало прочно входить в нашу постсоветскую жизнь и выглядело довольно странно в глазах многих.

Танюха оказалась одной из первых в числе тех, кто долго мыкался по окончании института без работы. Потом ей дико повезло, и по большому благу Танька приткнулась на должность дознавателя в милиции. Работа, надо сказать, на большого любителя, а она всё же в приличной семье воспитывалась, и то, чего Танюша на этой работе за полгода насмотрелась, навсегда отпугнуло юную барышню от работы в органах.

Многие девушки с таким с позволения сказать высшим юридическим образованием подались в секретари, а Татьяна постеснялась как-то. Дело в том, что у неё от природы очень некрасивые, кривые зубы, сильно попорченные кариесом вдобавок. Она улыбалась как японка, одними губами, пока не собралась, наконец, поставить красивые коронки из металлокерамики, но это я сильно забежала вперёд. В годы нашего тесного с Танюхой общения улыбка её всегда оставалась японской.

Родные периодически находили ей какую-то работу, но она оказывалась либо временной, либо не подходила Таньке, либо Танька не подходила там. Между всеми этими скитаниями по разным работам Татьяна случайно выскочила замуж за недалёкого, зато вполне себе сварливого мужичонку, слесаря по специальности и по духу. Родила девочку Дашу, с которой потом дружила моя дочь, и на момент нашей с ней встречи нигде не работала, что не было, впрочем, для неё редкостью.

Мы с Татьяной часто говорили о том, что ошиблись с выбором жизненного пути. Эта тема была довольно животрепещущей и для меня. Я в своё время хотела пойти учиться на врача, а меня не пустил отец, но мне всегда казалось, что раз уж это дело прошлое, то поговорили и забыли. Чего там муссировать? Жизнь идёт. Работа нужна – работаешь, нет – сидишь дома. Тем более что мужья наши неплохо зарабатывали, и мы могли себе это позволить. Как оказалось впоследствии, плохо я знала Танюху!

В какой-то момент от скуки и безысходности Танька придумала, что умеет рисовать. Ну, не то чтобы совсем умеет-умеет, но если ей чуть-чуть больше стараться, обязательно что-нибудь получится. Она и старалась. Что-нибудь и получалось. Домики, деревца, цветочки, куколки-принцессочки... Всё это – обычными цветными карандашами на листках из дешёвого школьного альбома, а то и вообще на листочке в клеточку. В общем, вполне годится для развлечения ребёнка дошкольного возраста. Её Дашка неизменно выражала восторг от маминых творений. Взрослые гости вежливо хвалили. Мама с папой вспоминали, как в детстве Танька чуть было не подалась в художественную школу, но они её отговорили. Вот Танюха и вообразила себя таким загубленным талантом, затопанной искрой, так сказать. Из этой искры однажды и разгорелось нечто невообразимое.

В тот вечер Танька заявила к нам со всем своим семейством в виде мужа и дочки в каком-то возбуждённо-приподнятом настроении. Супруг её отправился в детскую играть с девочками, поскольку мой муж с работы ещё не пришёл, а мы с ней торжественно отбыли в кухню готовить масштабное чаепитие.

– Маринка, я такого натворила! – Жарко зашептала Татьяна мне почти в самое ухо. – Такого натворила!.. – Продолжения не последовало, и я подумала о том, о чём, наверное, сделала бы предположение каждая соседка, почти год пролюбовавшаяся на их с мужем очень странные и напряжённые отношения.

– Ты изменила Паньку? – Таким же таинственным шёпотом поинтересовалась я.

Паньком мы промеж собой называли её мужа Павла. Это когда Танька на него не злилась. Когда злилась, в ход шли совсем другие эпитеты.

– Нет! Ты чё? – Танька обиженно округлила глаза. – Как тебе такое в голову пришло?

– Да так и пришло! Шепчешься тут... Если Паньку это знать не полагается, значит...

– Да ничего это не значит! – Взорвалась Танюха. Всю загадочность с неё как рукой сняло. – Я подала объявление в газету... – Тут она снова умолкла, переводя дух, а в меня уже вселился маленький бесёнок злорадства.

– В отдел знакомств? – Поинтересовалась я с самой серьёзной миной.

– Да прекрати ты, Маринка! В отдел услуг...

– Хм... Вот ты, значит, до чего дошла! А я тут – «измена», «знакомства»... Это я слишком мелко плаваю!.. Ты у нас, оказывается...

– Перестань, а то я тебя сейчас стукну! – Зло пообещала Танька.

Она такая смешная, когда злится, что я немедля зашла в приступе самого дурацкого хохота. Танюха смотрела на меня, смотрела, не выдержала и тоже сперва прыснула, а затем и расхохоталась в голос. Отсмеявшись, мы внимательно взглянули друг на друга. Должно быть, каждая из нас подумала в этот момент о том, что другая – полная чудачка. Я, по крайней мере, так и подумала про Танюху. Шепчется, темнит что-то.

– Ну, ты и стерва, Маринка! – Подытожила моя дорогая соседка.

– Спасибо, я знаю, – ответила я, жеманясь и кокетничая.

– Я подала объявление о том, что принимаю заказы на дизайн помещений, – выляпала Танька. Видя мои округлившиеся глаза, она решила добить меня окончательно и уточнила, – да, так и написала: молодой дизайнер принимает заказы на...

– Кто молодой дизайнер? Ты молодой дизайнер?!

Вот обязательно мне надо влезть со своими вопросами! Вечно я всё порчу.

– Да, я, а что? – Танька приосанилась. – И вообще, – произнесла она гордо, но тут запал, видимо, кончился, – мама, что я наделала?! – Спросила она, обращаясь к цветочному горшку с марсианским растением.

Марсианским растением мы с Татьяной называли колеус за красный цвет его листьев. Если колеус поставить в тень, его листочки будут зелёными как у всех нормальных растений, только с небольшими красными прожилками, а на солнце листья его делаются пунцово-крас-

ными. Точь-в-точь как Танюхина физиономия сейчас. Действие происходило во время заката, и лёгкий сумрак постепенно затапливал нашу кухню, но, несмотря на это, танюкина пунцовость была просто на удивление очевидна.

– И как ты собираешься работать? – Выскочил из меня очередной неуместный вопрос. – Сейчас все дизайнеры работают на компьютере! – Просветила я Таньку под большим секретом. – Тебе Панёк комп обещал купить?

– Ты что, Маринка, какой комп? Я ещё за последний сотовик не расплатилась! – Не забывайте, друзья, что дело происходило в начале нулевых, а в те времена ещё не в каждом доме был компьютер.

Многие служащие, особенно в государственных учреждениях, ещё вели дела по старинке, а набором текстов занимались специально переученные с пишущей машинки на компьютер машинистки. Компьютерная грамотность большинства прочих служащих оставляла желать и желать гораздо лучшего. Я сама в ту пору только начала знакомство с этим строгим белым электронным монстром, и кроме ужаса и отвращения он мне ничего не внушал.

А сотовые телефоны уже были вполне себе в ходу. Примерно каждые полгода выпускалась новая модель, и Танюха, продав имеющийся у неё сотовик за бесценок, бежала покупать в кредит новый аппарат. Сейчас так делают многие любители понтов, а тогда никто не понимал её увлечения, которое, к тому же, раз за разом проделывало всё большую дыру в их с Павлом семейном бюджете.

Интересно, на что Танюха в таком случае рассчитывала? Компа нет, и не предвидится, да и работать на нём она не умеет. Дизайнерского образования нема... Тем не менее, Танюха уже фонтанировала идеями.

– Я буду рисовать эскизы от руки. Ну, по крайней мере, в первое время. Деньги, полученные за заказы, тратить не буду. Накоплю и куплю комп. Потом ещё поработаю, накоплю и пойду на курсы дизайнеров. Окончу их, и стану зарабатывать ещё больше. Рожу второго ребёнка. Ты знаешь, Маринка, мне на днях приснился такой сон... – Понеслась Танька теперь уже в эзотерическую степь. – ...я разговариваю с заказчиком, светит солнце, а я стою беременная...

Дальше я слушала её уже вполуха. Танька всё плела и плела. Доплелась до того, что они с Паньком купят на средства, заработанные ею, разумеется, собственную квартиру. Так-то они жили на съёмной. Им даже ипотека не полагалась в силу того, что Павел получал зарплату в конверте, а официальные его заработки были удивительно близки к доходам церковного мыша.

Их будущая новая квартира будет непременно в этом же доме на последнем, пятом этаже. Почему именно на последнем? Ни за что не догадаетесь! Это чтобы сложить камин с дымоходом. О как!

– Танька! Ты как работать-то собралась? – Не отставала я. – Вот позвонит тебе заказчик, назначит встречу, и что? Он же попросит у тебя эскизы прошлых твоих работ, ну, или хотя бы студенческих! Что ты ему покажешь?

Танька опять залилась краской, но, взяв себя в руки, ответила:

– Так я нарисую. Я уже рисовала на днях. Я такую отделку веранды коттеджа придумала! С деревянной решёткой!

Ну, да... Про деревянную решётку я уже слышала. Ею сегодня уже несколько раз собирались что-нибудь отделать: гостиную в богатом доме, каминный зал в квартире на пятом этаже... К слову сказать, в нашем доме были квартиры всего двух типов: 30-метровые однушки и 40-метровые двухкомнатки. Самое то, что нужно для каминных залов, готических колонн и всего прочего в этом духе.

Танька тем временем вдохновенно продолжала:

– Я придумываю такую красоту! А начинаю рисовать, такое говно получается... – она виновато опустила глаза. – Но я буду стараться! – Клятвенно пообещала она. – И со временем будет получаться всё лучше!

Весь оставшийся вечер Таньку кидало от фантастических планов и умопомрачительных проектов к «мама-что-же-я-наделала-что-я-людям-скажу?».

Пришёл с работы мой муж, мы все вместе поужинали, перебрали все темы для разговоров, выслушали все павловы замечания и поучения (Он почему-то считал, что во всём разбирается лучше всех нас вместе взятых и постоянно давал советы и наставления.), погадали на чём только возможно... Гости с большой неохотой ушли около часа ночи, так и сыпля по пути идеями, советами, замечаниями, поучениями... Муж убедительно просил меня не приглашать их более, и я рассердилась, потому что мне и в голову такое прийти не могло! Кто их приглашал? Они сами явились!

Вяло переругиваясь, мы добрались до дивана к двум часам ночи, а наутро, сонные и злые, поплелись на работу.

Примерно через две недели после того памятного визита мы случайно встретились с Танюхой во дворе. За это время бабье лето успело закончиться, на улице похолодало, и она зябко куталась в страшненькую курточку времён её ранней студенческой молодости. Танечка грустно поведала мне, что ей звонили целых три заказчика, но, услышав, что у неё нет специального образования, компьютера и законченных проектов, бросали трубку. Очень невежливые люди попались.

Придётся занять денег и пойти на курсы дизайнеров. Она тут как раз нашла одни неподалёку и за недорого, а её мать уже заняла у одной из престарелых соседок треть нужной суммы. Завтра они с мамкой пойдут и внесут предоплату, а там и до занятий недалеко... И до воплощения грандиозных замыслов... Вот она тут наметни такое придумала! Отделать столовую на работе мужа лакированной под чёрное дерево... деревянной решёткой! Ещё хорошо бы развести там огромные растения в кадках, а между ними расставить покрытые лаком коряги. Она недавно позади мусорных баков такие живописные коряги видела! Прямо аж руки зачесались немедленно покрыть их лаком...

Я смотрела в Татьянино порозовевшее от холодного ветра круглое лицо и представляла, как бы оно хорошо сейчас смотрелось за решёткой, лакированной такой, под чёрное дерево. Ещё я думала о том, как бы мне сейчас пригодилась коряга, но только небольшая и не тяжёлая, чтобы я смогла её поднять. Думаю, вы уже поняли, для чего.

Наскоро попрощавшись и клятвенно пообещав после об этом поговорить, я ускакала подальше от этого несчастливого места. Танюха чаще всего вызывала во мне добрые чувства, но когда она принималась вот так чудить, это было совершенно невыносимо.

Вечером следующего дня Танька позвонила мне по городскому телефону (Была ещё в те времена в ходу такая штука!) и убитым голосом попросила зайти. Я пыталась как-то отбояриться от этого, на что она замогильным голосом ответила:

– Если ты не придёшь, ищи меня потом в дурдоме. Или на кладбище.

Я не на шутку испугалась и, прихватив с собой наш стандартный гадальный набор, понеслась рысью вниз по лестнице. Мы в то время жили как раз на вожделенном пятом этаже, в двушке, взятой в ипотеку на шесть лет, а они в такой же двушке, только съёмной, на втором. Танюха отворила мне дверь, горбясь и кутаясь в старушечью шаль. Вяло поздоровавшись, она прошаркала в кухню и принялась разливать чай по своим щербатым бокалам. На мой вопрос, что случилось на этот раз, она устало махнула своей очаровательной полненькой ручкой и принялась рассказывать.

Пришли они с матерью и одолженной у старушки из соседнего подъезда денежкой к «той тётке, которая на курсах деньги принимает», а она деньги не берёт, а вместо этого начинает задавать какие-то странные вопросы. Например, ходила ли Татьяна в детстве в художественную

школу? Рассказ о том, как она хотела туда пойти, но её отговорили родители, тётеньку слегка огорчил, а отрицательный ответ на вопрос, посещала ли Таня рисовальные классы, подготовительные курсы при худучилище или ещё что-то в этом роде, расстроил её ещё больше.

В конце концов, она попросила Танюху вообще о чём-то несусветном: нарисовать что-нибудь на предложенном листе бумаги. Увидев результат, тётка окончательно впала в уныние и посоветовала Татьяне с её мамкой не заниматься ерундой. Это Татьяне-то! Прирождённому дизайнеру такое сказать, а?! Ни стыда, ни совести у этой чёртовой бабы, видимо, отродясь не водилось!

Танька у нас, как мы уже поняли, личность творческая, на земных проблемах не заик-ленная, а вот я, напротив, женщина земная и вполне себе практичная, поэтому у меня тут же вскопился вопрос про одолженные у старушки деньги: вернули их или как? Лично я вернула бы в тот же день.

Не таковы были творческие личности!

Выйдя из здания, где их только что незаслуженно отправили восвояси, эти две замечательные женщины не придумали ничего лучше, кроме как отправиться в ближайший ресторанчик, да и проесть там к чертям собачьим эти несчастные денежки! Отдадут когда-нибудь, коль живы будут.

Последующий рассказ о ресторанном обеде из трёх блюд очень оживил Танюху. Глазки её разгорелись, аки звёздочки. Щёчки зарумянились аки георгины. Поток слов так и бурлил, снося на своём пути остатки моих представлений о здравом смысле, чувстве долга и прочей подобной чепухе.

Я с удовольствием слушала Танюху, а взгляд мой волей-неволей падал на шербатые чашки, утыкался в захламлённые углы тесной кухоньки, скользил по танюхиным кастрюлям, напоминавшим скорее походные котелки солдат Первой Мировой, побывавшие под пулями. Во мне при этом росла и крепла уверенность в том, что некоторые люди никогда не будут жить хорошо материально. Зато, какая богатая мечтательно-фантазийная жизнь!

Как Танюха мужа на измену проверяла

Когда мы жили в старом, советских времён квартале, сплошь состоявшем из разных по фактуре и величине пятиэтажек, мне казалось, что наступило самое ужасное время в моей жизни. И действительно, в ту пору со мной произошло много нехорошего. Я потеряла самую лучшую работу в своей жизни, перенесла два выкидыша, с большим трудом, через пни-колоды получила второе высшее образование, которое мне не пригодилось.

Ещё мы постоянно ссорились с мужем, мне не везло с другой работой, а моему ребёнку – со школами, коих она сменила четыре за пять лет обучения. К тому же, мне ужасно не нравился этот район, запрятаный, если так можно выразиться, на периферии центра нашего городка. Он был старательно обойдён транспортными маршрутами, магазинами, школами, поликлиниками и прочими благами цивилизации.

Вдобавок, райончик оказался почти сплошь заселён стариками. Не стариками даже, а скорее старухами, потому что женщины в современном мире нередко переживают лет на десять-пятнадцать своих рано уходящих мужей, и этот факт лишает сна, покоя и разума новоявленных борцов за права мужчин.

К счастью, таковых в нашем подъезде не наблюдалось, зато в нём, как и во всём районе, жило много одиноких бабулек, и даже две с вполне себе живыми дедами. Большинство их виделось мне тогда исключительно вредными, сварливыми сплетницами, а некоторые ещё и неслабо закладывали за воротник, несмотря на почтенный возраст, и потому большим счастьем для меня было узнать, что на втором этаже живёт довольно приятная молодая семья, близкая нам по возрасту и по интересам.

Мать этого замечательного семейства Татьяна, Танюха в просторечии, имела диплом юриста не очень престижного вуза. С работой ей не везло ещё хуже, чем мне. Впрочем, и особой тяги к своей специальности она не испытывала, поэтому так повелось, что по большей части она на работу не ходила, как бы занимаясь хозяйством и ребёнком, голубоглазой, ангелоподобной девочкой Дашенькой. Даша была немного младше моей дочки Веры, и они вполне себе неплохо играли вместе, пока мы, мамыши, обсуждали невероятно важные для себя вопросы бытия.

Почему Танюха «как бы» занималась хозяйством и ребёнком? Да потому что я не понимаю, как так можно заниматься хозяйством и ребёнком, будучи абсолютно свободной от работы! Ну, хоть режьте меня на куски, не понимаю и никогда не пойму! Почему надо подниматься чуть свет самой, будить маленького ребёнка и тащить его в третьеразрядный детсад, забирая только после дневного сна и вечерней прогулки? И так – примерно с полутора лет до школы.

Сказать, что в детсаду происходит какое-то там развитие... Какое? Вразумительного ответа на этот вопрос мне никто так и не смог дать за всю мою жизнь. Все сразу начинают что-то вещать мне, неразумной, про общение. Общение, безусловно, имеет, отношение к развитию, но так это общение с более развитыми особями своего биологического вида! А что могут дать ребёнку сверстники в два-три года, кроме как совком по голове в песочнице? Не понимаю.

Тут мне обычно начинают возражать, что ребёнок должен общаться со своими сверстниками, во-первых, потому что должен и всё, а во-вторых, он так привыкает к коллективу. Хорошо, согласна. А, что, дома мы держим его взаперти и не подпускаем к нему никаких сверстников? По-моему, сверстников всегда достаточно на детской площадке, среди друзей, соседей и родственников. Кому-то ещё и братьев-сестёр иметь посчастливилось. Вдобавок, когда ребёнок подрастёт, его можно ещё задолго до школы записать в музыкальную или спортивную школу, в кружок рисования или рукоделия, в языковую или танцевальную студию, на подготовку к школе и мало ли куда ещё!

И здесь мы подходим обычно с моими оппонентками к самому интересному, а именно, они объявляют, что им самим в ломасину гулять с ребёнком, рисовать, лепить, читать ему книжки (подчеркнуть нужное, а лучше всё сразу). А уж водить куда-то в студию, сидеть и ждать там его по полтора-два часа! Нет уж, увольте. Проще отвести детёныша на весь день к чужим тёткам и незнакомым детям, и мозг себе не крутить. Так бы сразу и сказали, а то «развитие», «общение»...

Но это ещё не всё. На этом моменте я обычно делаю контрольный в голову последним своим аргументом против детсада. Это вопрос о том, что вы будете делать, если ребёнок заболит и не сможет посещать сад, а вам на работу надо? Конечно, возьмёте больничный. Раз возьмёте, два, а на третий ваше руководство посоветует вам свернуть этот больничный в трубочку и вставить себе в ухо, чтобы лучше слышать, а ещё собрать вещи в коробку и идти искать другое место. Таковы капиталистические реалии нашего общества. Социализм закончился.

Тут некоторые ортодоксы начинают что-то говорить про бабушек с дедушками. А вы их видели, этих современных бабушек-дедушек? Их метлой с работы не выгонишь ни в шестьдесят, ни в семьдесят! Когда они, наконец, отправляются на заслуженный отдых, внуки выросли, правнуки ещё не скоро, и вообще, правнуков кто нянчит? Разве что псих какой-нибудь. У правнуков, чай, бабушки-дедушки имеются. И всё, мочало-сначала.

Так получилось, что Танька всю свою сознательную жизнь прожила в этом доме. В нём же по стечению обстоятельств оказались все её ближайшие родственники: родители, бабушки, дедушки, бездетная тётя. Казалось бы, оставить с кем-то из них ребёнка – вообще не проблема, но не тут-то было! Родители её сравнительно молодые ещё люди, им до пенсии как до Китая пешком. Бабушка Татьяны, которая отцова мать, на тот момент была уже вдовой. В первую половину дня она обычно до блеска намывала свою квартирку. Потом не спеша шла в ближайший магазин за свежим молоком-хлебом. Остаток дня бабуля просиживала на скамеечке, одна или с товарками, а как только требовалась её помощь с Дашей, она тут же тяжело заболела.

Бабушка Татьяны со стороны матери была золотым человеком. Когда трезвая. Выпив, она принималась орать и буянить так, что в подъезде дребезжали стёкла, а выпивала она регулярно. Её муж – глухонький согбенный старикашка – вообще был тихим маразматиком-пошатунном. Он регулярно уходил в город и забывал, где живёт. На этот случай ему клали в карман бумажку с адресом. Можно оставить ребёнка с такими людьми? Ответ очевиден. Вот вам и бабушки с прабабушками!

Ситуация с бабушками-дедушками никуда не годится и в нашей семье. Родители – и мои, и мужа – когда стали бабушками-дедушками, пенсионерами ещё не были, а как только стали ими, благополучно продолжили работать. Вдобавок так вышло, что со временем я и мой супруг оказались со своими родителями в трёх разных городах.

На мой взгляд, самый лучший вариант для современной работающей матери – няня. Она сидит с ребёнком всегда, даже когда тому нездоровится. Если же мать сама не работает, то сдавать на весь день ребёнка в казённое учреждение – просто бред и ничего больше. Тащить малыша по холоду-ветру-зною туда, где он соберёт все мыслимые и немыслимые болячки, а потом удивляться, что к школе у него уже нет никакого здоровья. Да, это по-нашему. Но не моему. Однако, свою голову никому не приставишь, да и нет у меня такой цели в жизни.

Вот и Танюха таскала ребёнка в сад, будучи сама неработающей образованной женщиной, а хозяйством занималась так, что, кажется, я больше успевала, работая, чем она – сидя дома. Вершиной её кулинарного искусства был салатик из смеси зелёного горошка и покупной корейской моркови под майонезом. Это блюдо подавалось гостям по праздникам. Ещё она умела варить жирнющие щи и жарить картошку с куриными окорочками. Неудивительно, что она сама и муж её Павел были этакими пухлячками. Даша, напротив, отличалась полупрозрачным и даже несколько зеленоватым внешним видом. В детсаду на той бурде, что там готовят, понятное дело, не разъешься и не разрумянишься.

Ужин Танька начинала готовить ровно за пятнадцать минут до прихода мужа с работы, видимо, специально, чтобы он за час-полтора готовки оголодал и озверел до предела. После ужина Татьяна любила затеять какую-нибудь стирку-глажку, видимо, для того, чтобы показать мужу, как она трудится. Что ж, хороший ход, но ему, кажется, было всё равно.

Идя с работы, Павел покупал две бутылки пива, одну высасывал по дороге, вторую выпивал за ужином. После присаживался к телевизору и увлечённо с ним дискутировал остаток вечера. Ещё он немного играл с Дашей и рассказывал ей сказки. Если же Даша болела, не отходил от её кровати, всячески поддерживая, развлекавая и занимая. Таньке же в те периоды доставалось от него не по-детски, он почему-то в болезнях дочери всегда винил только её (Не детсадовские ведь инфекции винить, в самом деле!) и считал, что она плохо лечит ребёнка.

Павел вообще очень неоднозначный дяденька. Я никогда не видела его хмурым, он всегда улыбался, но если он собрался что-то говорить, так и знайте, что сейчас вы услышите очень толковую, аргументированную критику. Критиковалось Павлом абсолютно всё: мировая политика, экономическая ситуация в стране и мире, выступление российской сборной на последней Олимпиаде, качество товаров в магазинах, медицина, образование, методы ведения сельского хозяйства, вооружённые силы, погода... Павел трудился слесарем на заводе; видимо как раз оттуда берут начало его столь глубокие познания обо всём на свете. Его было даже интересно послушать, но ровно до тех пор, пока он не начинал критиковать ваш стиль жизни и вас лично. Это уже было совсем неинтересно, несправедливо и вообще утомительно.

Танюха рассказывала, что Павел в свободное от просмотра телепередач время очень любил критиковать её как класс и как личность. При мне этого, правда, никогда не было, но нетрудно представить, с его-то способностями!

Иногда его критика переходила все границы, особенно если наш всезнайка перебрал с выпивкой, и они жестоко ссорились. Павел уходил на несколько дней к маме, корча из себя этакую втоптанную в грязь святость. Ему каждый раз удавалось заставить Таньку почувствовать себя виноватой. Она первая шла просить прощения, и он, немного покочевряжившись, возвращался в семью.

Однажды Таньке это надоело, и она не пошла. Так её пинками погнали родители! Я вообще нередко восхищалась этими замечательными людьми, но что они делали раз за разом со своей дочерью!.. Возможно, расскажу как-нибудь в другой раз.

В итоге наступил такой момент, когда Танька просить прощения не пошла. Думала, он повыделывается и придёт домой сам. Они тогда жили уже в собственной отдельной квартире, которую им уступила Татьяна бабушка, перебравшись по старости жить к родителям Татьяны, но даже это не сподвигло Павла вернуться добровольно. Прождав взбунтовавшуюся жену с извинениями недели три, он пошёл, да и подал на развод. Видимо, решил поугагать. А она возьми, да и подпиши безропотно все документы! Так их непонятная, ломаная семейная жизнь и закончилась, но это случится позднее.

Пока Танька с Павлом жили на съёмной квартире, вели своё странное картофельно-пивное хозяйство, заполненное до отказа страшенькой прабабушкиной мебелью, щербатыми чашками и сильно поношенной, вышедшей из моды одеждой и, как могли, воспитывали Дашу. По будням он работал, смотрел телевизор и пил пиво, по выходным отдыхал, смотрел телевизор и пил пиво.

Ещё Павел любил по выходным и праздникам отправиться один или с Дашей в гости к своим родственникам, а Татьяна большую часть времени проводила одна. Читать она не любила, по телевизору могла смотреть что-то очень избирательно, например, интересный фильм или сериал для женщин. Политика, сплетни и всякие-разные ток-шоу её не интересовали. Не любила она и юмористических передач за их глупый и не всегда приличный юмор. Неудивительно, что при таком вялотекущем времяпровождении ей стали лезть в голову мысли об измене Павла.

– Смотри, Маринка! – Объясняла она мне. – С работы он приходит поздно. Так? – Я согласно кивала, да, мол, не рано, что поделывать. – На выходных мы никуда вместе не ходим. Вернее, ходим, но очень редко. Так? – Снова киваю, ибо факт. – Подарков он мне не дарит, перед праздником денег сунет, купи, мол, сама и всё. И что я должна думать после этого?

Мои аргументы, что Павел много работает, что по выходным он ходит не куда-то, а к родным, что Даша чаще всего идёт с ним, отскакивали от Татьяны как от стенки горох. Выслеживать его она не хотела, да и не смогла бы, потому как дамой была весьма приметной – пятьдесят шестой размер одежды – это вам не шутки. Денег на частного детектива не было, а знать о своём супруге хотелось всё, и Танюха решила съездить к профессиональной гадалке.

Как я её ни убеждала, что все эти профессионалки – такие же домохозяйки как мы, только в край оборзевшие и берушие деньги за то, что мы почти каждый вечер делаем на своих кухнях бесплатно, она не верила ни одному моему слову!

– Это очень хорошая, сильная гадалка, – твердила она. – Она Ритке такого нагадала – всё сбылось! Вот и я поеду. Она мне всё расскажет.

Ну, что ж, хозяин – барин. Если ей некуда девать время и деньги – на здоровье! А я лучше пойду пирогов к ужину напеку. Порадую своих и угощу Таньку. Приедет ведь от этой тётки вся замёрзшая, голодная, а дома шаром покати.

От гадалки Татьяна вернулась и впрямь замёрзшая, но при этом румяная и возбуждённая. Уплетая за чаем мои пироги, она рассказывала, как та ей за сравнительно небольшую сумму нагадала целых три короба предсказаний.

– Представляешь, Маринка, я с Паньком скоро разведусь! – Да, новость, конечно, из разряда сенсаций. – ... а через полгода выйду замуж и рожу мальчика. Его Мишенькой звать будут...

– А почему Мишенькой? Тебе это имя нравится? – Спросила я, дабы поддержать приятный светский разговор, но Танюха, кажется, обиделась.

– Ну, при чём здесь это? – Выкрикнула она, возмущённо покраснев лицом. – Просто его будут так звать и всё!

– А почему? – Не отставала я. – Почему не Сашенькой, Женечкой или Юрочкой?.. – Вечно я как докопаюсь до человека, сама себе потом не рада.

– Ни почему! – Кипятилась Танька. – Так карты показали!

– Как это карты могут показать имя человека? – Не унималась я. – Да ещё и не родившегося ребёнка? И ты, и я можем гадать на картах, но нам-то они ничьих имён не показывают!

– Нам не показывают, а ей показывают!

– Так не бывает! Карты вообще никаких имён никому не показывают!

– Так мы с тобой простые гадалки, а она особенная!

– Ясно всё с тобой.

– Что тебе ясно? – Танька начинала заводиться всерьёз, и я решила перевести разговор в более нейтральное русло.

– Всё. Ты мне лучше скажи, какова будет причина вашего с Паньком развода, если ты в это веришь, конечно.

– Конечно, верю! Потому что это хорошая, сильная гадалка...

– Она Ритке нагадала всякой стебанины, и всё сбылось, помню, – сообщила я. – Тебе-то она что сказала? Из-за чего вы разведётесь?

– Она не сказала, из-за чего. Да и как это можно понять по картам?

– Мне вообще непонятно, как можно понять про развод по картам, если на то пошло! – Тут уже я начинала заводиться. – Максимум, что они могут показать – это разлука, которая вовсе не означает развод. Тем более, я не пойму, как карты кому-то показывают имена детей, которых ещё в проекте не намечается!

– Ты опять за своё, Маринка? Я же тебе всё объяснила: она особенная гадалка.

– Да, а мы с тобой простые, помню. Что она ещё там тебе наплела? За те деньги, какие она берёт, непременно должна была чего-то ещё присоветовать!

– Она и посоветовала! – Важно отвечала Татьяна. – Она мне очень хороший совет дала, как проверить, изменяет муж или нет.

– И как же? – Тут уж я была заинтригована всерьёз, ибо постоянно слышала от подъездных бабок, что мне изменяет муж.

Нет, они ни с кем его не видели. Следов от губной помады на рубашке не замечали. По верёвке от нас никто с балкона не спускался. Несмотря на это, они точно знают, что он мне изменяет, правда, не в курсе, с кем, где и когда, но на предположения наши подъездные оракулы очень щедры.

Почему он с работы приходит не в пять, а в семь часов вечера? Смена на заводе заканчивается в половине пятого, и что он там эти лишних два часа делает? Мои аргументы, что муж не сборщик или наладчик в цеху, а руководитель отдела, что он и начинает свою работу не в семь утра как в цеху, а позже, игнорировались напрочь. Он изменяет мне с кем-то на работе и всё, они так сказали.

Со временем я поняла, что престарелые сплетницы жаждут скандала с ором на все пять этажей и четыре подъезда, собиранием чемоданов в ночи, а желательно ещё и мордобоем с вызовом милиции. Поэтому я стала говорить, что мне наплевать. Он может делать всё, что ему заблагорассудится, у нас свободная страна. А ещё, прибавляла я, окончательно вводя их в ступор, я тоже пойду ему изменять, когда попадётся достойный кандидат. Больше я подобных глупостей от них не слышала. Теперь ещё Танюха помешалась измен!

– Ленка посоветовала мне...

– Ленка? – Переспросила я. – Какая Ленка?

– Ну, та самая, гадалка...

– Так её Ленкой звать? – Расхохоталась я. – Ой, не могу! Ленка!

– Что тут особенного? – Великолепная бровь Татьяны изогнулась, изображая пренебрежительный вопрос.

– Что же это за имя для гадалки – Ленка? – Выдавила я из себя, заходясь в приступе дурацкого хохота.

– А какое у неё, по-твоему, должно быть имя? – Строго поинтересовалась Татьяна, отчеканивая каждое слово.

Я на секунду задумалась.

– Нууу... Эсмеральда, например. Или Эмилия какая-нибудь. Ну, Жанна, на худой конец...

– Так, Маринка, всё! – Рассердилась Танюха. – Я ничего тебе больше рассказывать не буду! То ребёнок тебе не Мишенька, то Ленка тебе не гадалка, то гадалка не Ленка, то Мишка не Леночка... Тьфу, ты меня вконец запутала!

Мы уставились друг на дружку. Она вытаращенными от злости и возбуждения глазами, я – своими прищуренными насмешливыми гляделками. Первой не выдержала Танюха, показавшись со смеху. Вскоре мы обе хохотали так, что слёзы брызгали из наших глаз в разные стороны. Ах, этот очищающий и примиряющий смех! Как бы мы жили, не умей мы смеяться?

– Так что тебе там Ленка-то насоветовала? – Спросила я сквозь слёзы.

– Надо испечь пирог, – ответила Танька.

– Правильно! – Похвалила я.

– Что правильно?

– Пироги печь дома самой правильно, – умничала я, – а то если их покупать в кулинарии, дороже получится!

Однако Танька, похоже, твёрдо вознамерилась игнорировать мои глупые комментарии и всё же просветить меня, неразумную, до конца. А то, как я дальше жить собираюсь без этих полезных знаний?

– Надо отрезать от него кусок и...

– Отрезать кусок от мужа? Хм... Заня-а-а-атно! – Протянула я. – Думаю, после этого он всё тебе расскажет, даже то, чего не было, если не хочет, конечно, чтобы ты искромсала его полностью!

Танюха аж поперхнулась. Мы снова захохотали, а, просмеявшись, она продолжила бредить дальше:

– Надо отрезать кусок пирога и поставить его на ночь за икону...

– Какую икону? Божьей Матери? Христа Спасителя? Николая Чудотворца?

– За любую икону! – Произнесла Танюха с нажимом. – Любую, какая есть в доме!

– А если никакой нет, тогда что делать?

– Тогда пойти и купить её!

– Я слышала, что иконы покупать – плохая примета, – поделилась я своими знаниями, почерпнутыми из одного старого советского фильма. – Икону можно только получить в подарок. Ну, или украсть!

– У меня есть икона, – тон Танюхи сделался воспитательным, словно она разговаривала с малым дитём, – и за неё я поставлю кусок пирога и оставлю его там на ночь.

– Тряпочкой прикрой, чтоб не заветрился, – подала я добрый совет. Не одна же Ленка может советы раздавать. Мы тоже кое-что можем.

– Обязательно прикрою, – пообещала Танька. По её лицу было понятно, кого она хотела бы сейчас прикрыть тряпочкой на самом деле. – Утром этот кусок пирога надо достать из-за иконы и предложить мужу на завтрак. Если он станет есть пирог, то всё в порядке, он не изменит, а вот если нет, то значит, да! – Закончила Танюха многозначительно.

– И ты будешь этим заниматься? – Спросила я.

– Конечно, буду! – пообещала Татьяна. – Сейчас приду домой и начну печь пирог.

Н-да... Дня ей было мало для таких дел!

– Не связывайся, вот, возьми, – протянула я тарелку с нарезанным квадратиками пирогом.

– Нет. Я должна сама, – произнесла она тоном комсомолки из старого кино про колхоз или великую стройку.

– Ну, сама так сама, – согласилась я. – Расскажешь потом, что из этого получилось. – Мне уже стало и в самом деле интересно.

– Обязательно расскажу, – пообещала Танька.

На следующий день я пришла к Татьяне около двух часов дня, взъерошенная, как воробей после драки. Мы опять что-то не поделили с мужем, и вместо похода в театр вышла безобразная ссора. Я порвала билеты, кинула их на пол и отправилась к Танюхе заливать горе чаем. Танька открыла дверь, и вид её представлял собой полную противоположность моему. Я вздёрнутая, она в воду опущенная. Я красная, она бледная. Я наряженная для похода в театр, она в застиранном халате и растянутой кофте.

Танька, похоже, ничуть не удивилась моему вторжению. Она сделала вялый приглашающий жест и посторонилась, давая мне пройти. Мы прошествовали в кухню, Танька поставила чайник на плиту и достала из шкафа аккуратно нарезанный пирог. Я принялась в красках описывать, какой скандал мне сейчас пришлось пережить из-за какой-то ерунды. Татьяна слушала, кивала, но вид её оставался грустным, бледным и безучастным. Я обратила внимание, что, несмотря на выходной день, она снова одна в квартире. Прервав свои излияния, я поинтересовалась причиной её плохого настроения.

– Этот козёл не стал есть пирог, – сообщила она убитым голосом. – Я всё сделала, как положено, а он не стал.

Чтобы как-то утешить Танюху я принялась громить предрассудки похлеще преподавателя научного атеизма советских времён. Попутно задала жару всем мужикам на свете, которые только и умеют, что расстраивать своих жён, и больше ни на что не способны. Танюха слегка приободрилась, принялась подсмеиваться над моим красноречием. Она заварила чай, налила его в бокалы, один из которых был с трещиной, другой основательно надколот по верху, и пододвинула мне треснутое блюдо образца пятидесятих годов с красиво выпеченным пирогом.

– Утощайся, – предложила она. – Вчера пекла. Ночью.

Я откусила кусок, и чуть было не выплюнула его обратно. Пересилив себя, я всё же проглотила откушенное, а остальное есть не стала, сделав вид, что увлеклась разговором, а после вообще постаралась занять свои руки чем-нибудь. Например, гаданием по книге перемен, а то эти карты надоели уже до икоты!

Мы провели прекрасный вечер за разговорами, чаепитием, гаданием, разглядыванием и комментированием картинок в модном журнале за тысяча девятьсот заплесневелый год. Было очень весело! Потом я пошла домой, так и не найдя в себе сил сказать Танюхе правду.

Панёк не стал есть пирог не потому, что он подлый изменник. Просто пирог был жутко противным и источал неприятный запах, но гадалка Ленка кое в чём всё же была права: они действительно спустя какое-то время развелись. Мальчик спустя полтора года после их развода тоже родился, только родился он не у Танюхи, а у меня. Я нарекла его Мирославом, ибо он был тем, кто принёс мир в нашу беспокойную, взбалмошную семью. Мы с мужем и дочкой так и называем его с рожденья: Мирослав, а бабушки, тётя и первая учительница упорно зовут его Мишенькой...

Так что гадалка оказалась и впрямь хорошая, сильная. Правда, не совсем точная.

Девка-горёвка

Обдумывая этот рассказ, я уже несколько раз успела горько пожалеть о том, что Лемони Сникет не родился чуточку позднее и не дожил до наших дней. Моя героиня на самом деле вовсе не моя, а его. Девка-горёвка, тридцать три несчастья, ходячая неприятность... Именно такие и многие другие подобные эпитеты сами просятся на язык, когда получше начинаешь узнавать Киру, мою очаровательную юную подругу.

Познакомились мы с Кирой в магазине открыток, где она работала в ту пору продавцом. Мне сразу приглянулась хорошенькая девушка за прилавком. Выражение её лица было каким-то непостижимо грустным, добрым и задумчивым одновременно, а в окружении красивых открыток оно приобретало ещё некое притягательное очарование, точь-в-точь как у девушек с картин ранних импрессионистов.

Добавьте сюда её юную восемнадцатилетнюю свежесть, зелёные, как крыжовник, глаза, пухленькие, очень красиво очерченные губки, великолепную фигуру и длинные светлые волосы до талии, и получите полную картину. Как я могла не разговориться с таким прелестным созданием, которое к тому же само охотно шло на контакт с любым покупателем?

Я посещала этот магазин довольно часто; в ту пору ещё было принято поздравлять друг друга открытками по праздникам, а я очень любила красивые художественные открытки и выбирала их всегда неспешно и тщательно. Вдобавок магазин располагался на главной улице города, а мой ежевечерний маршрут от работы до остановки пролегал именно по ней.

Каждый раз мы приятельски общались с девушкой. Однажды, когда я зашла перед самым закрытием, она предложила мне остаться и выпить с ней чаю. Я не отказалась. Наше общение было лёгким, весёлым и приятным, и я в то время не могла даже на секунду представить себе, в какой страшной реальности живёт моя новая приятельница. Как я теперь понимаю, она общалась со мной потому, что ей хотелось тогда, если не вырваться из привычного круга проблем, то хотя бы отвлечься от него ненадолго, увидеть какую-то другую жизнь помимо того кошмара, в котором она существовала с самого рождения.

Мы с ней быстро перешли на «ты», хотя нас разделяло целых одиннадцать лет. Я всегда выглядела моложе, и Кира была очень удивлена, узнав мой настоящий возраст, но мы обе не страдали комплексами, связанными с количеством прожитых лет, социальным положением, образованием и прочими условностями. Ничто не мешало нашей лёгкой и чистой дружбе.

Однажды я пришла чуть раньше обычного и заметила, что Кира выглядит более грустной, чем всегда. Конечно, я сразу же заинтересовалась, что произошло. В ответ она обвела рукой стенд с открытками, обратив моё внимание на колоссальное снижение цен.

– Магазин через месяц закрывается, – грустно поведала Кира. – Ума не приложу, куда идти работать... Я здесь уже так привыкла!

Я сразу же пригласила её поработать няней у моей дочки в летнее время, пока она не найдёт себе что-то более подходящее, а я не подыщу новую няню взамен той, что собралась с наступлением лета от нас увольняться. Кира сразу же отказалась – подумать только! – по причине того, что «не может брать деньги со своих». Не думала, что она за столь короткое время так прикипела ко мне. Я сама была ещё молода, мир играл сиренево-перламутровыми красками, и её слова о «своих» тронули меня до глубины моего по-детски наивного существа. Я решила взять шефство над этой столь юной и столь правильной девушкой.

В тот день я накупила у неё множество открыток, и мы обменялись всеми возможными номерами телефонов, адресами, паролями и явками. Я взяла с неё слово, что в случае серьёзных затруднений она мне непременно позвонит, и отбыла восвояси.

Время шло. Магазин закрылся, а я в нём так и не успела побывать ещё раз, потому как на работе шёл хронический завал, как это всегда бывает в конце учебного года, вдобавок

меня повысили в должности. Я в ту пору преподавала в одном из лучших колледжей города, а повышение состояло в том, что в придачу к преподаванию руководство презентовало мне ещё и административную должность. Теперь я посещала совещания администрации, принимая посильное участие в их работе, вела массу документации и пропадала на работе по 10—12 часов ежедневно вместо привычных преподавательских 3—4 дней в неделю по 5—7 часов в день.

Я почувствовала себя не то чтобы важной величиной, а всемогущей Матушкой Владычицей какой-то, и поэтому при первой более-менее подходящей вакансии решила, во что бы то ни стало, устроить на неё Киру. Посадить своих людей на ключевые должности, так сказать.

Вакансия образовалась в учебной части, что вовсе не было редкостью. Учебная часть всегда отличалась жуткой текучкой. Неудивительно: работа собачья. Ты составляешь расписание, делаешь замены, ведёшь учёт прочитанных преподавателями и мастерами производственного обучения часов, проверяешь правильность заполнения документации, а люди выдвигают массу требований, путают даты и темы занятий, просто капризничают. . . В общем, работая в учебной части, ты всегда всем кругом плохая.

Расписание невозможно составить так, чтобы угодить всем, когда в штате около ста преподавателей и мастеров. Замены не всегда бывают кстати, к тому же о них многие склонны забывать. Ты становишься врагом, если заметишь ошибку в заполнении журнала, а уж расстановка преподавателей по кабинетам – вообще отдельная песня!

Правда, есть в этой работе и что-то хорошее. Там ненормированный рабочий день, и когда нет какой-то срочности, можно прийти на работу не к девяти, а к одиннадцати, например. Можно сдвигать и начало, и конец рабочего дня по своему усмотрению, главное, чтобы не страдал процесс. Можно выскочить в магазин или на небольшой моцион в скверике минут на сорок в середине дня, и это не считая обычного часового перерыва на обед.

Работа эта вполне себе совместима с ведением лекций и лабораторных работ. Вдобавок, там доплачивают за напряжённый трудовой режим. Кира – бухгалтер по образованию, значит, точность в работе гарантирована. К тому же, девушка она одинокая, домой спешить к определённому часу ей незачем, и ей должна такая работа подойти. На расписании у нас давно и плотно сидела Виолетта, моя приятельница и ровесница, документацию проверяла и вела Антонина Петровна, а работник требовался на замены.

Я расхвалила Киру перед своим руководством, и они сказали, что девушка подходит. Стала звонить ей в конце лета, но трубку городского номера никто не снимал, а сотового у неё в то время ещё не было. Сотовые телефоны вообще тогда были далеко не у всех, тем более его вряд ли могла себе позволить низкооплачиваемая служащая.

В общем, пришлось мне идти к Кире домой. В первый раз я пришла к ней с дочкой. Дверь открыла мать Киры, удивившая меня своей молодостью. Я знала, что у Киры есть ещё старший брат, и представляла себе их мать более солидной матроной. Потом выяснилось, что брата эта симпатичная миниатюрная шатенка тридцати шести лет от роду родила в шестнадцать лет, а Киру в восемнадцать. Их отец уходил в своё время в армию глубоко женатым человеком.

– Здравствуйте, Кира дома? – Спросила я.

– Нет. Она ушла гулять с подругой. Что ей передать?

Я кратко изложила суть дела, оставила номер своего телефона, и мы с дочкой отправились восвояси. Кира не позвонила и не пришла.

Я снова отправилась к Кире спустя неделю. В этот раз она оказалась дома. Мать, как только я пришла, закрылась в зале и сделала звук телевизора погромче, а брат Киры с парой друзей сидел на кухне, попивая пиво с воблой, и у них там была вполне себе своя атмосфера.

Облик братца Андрюшеньки насторожил меня сразу же. Я обратила внимание, что, несмотря на двухлетнюю разницу в возрасте в его пользу, он выглядит младше Киры. Этаким субтильный белокожий блондинчик, то ли молодой человек, то ли подросток, сразу и не пой-

мёшь. Если не приглядываться, то он самый обычный юноша, коих по улицам нашего городка ходит очень много.

Если же взглянуть чуть внимательнее, то обязательно наткнёшься взглядом на его глаза. Обычные, не очень большие карие, почти чёрные, глаза, но каково их выражение! Глаза Андрея смотрят на мир и на собеседника с нескрываемым злом. Это зло буквально бьёт вас по лицу, и вы сразу же забываете, что хотели сказать минуту назад. Начинает казаться, что вообще ничего не хотели, кроме как поскорее убраться отсюда подальше.

Кира пригласила меня во вторую комнату, которую она делила с братом за неимением других комнат в квартире. Я рассказала ей о своём предложении, она обрадовалась и тут же согласилась. Я спросила, почему она никак не дала о себе знать в течение недели, на что получила в ответ округлившиеся глаза и приоткрытый ротик. Оказывается, ей никто ничего не передавал. Сказать, что мне это показалось странным – ничего не сказать. А тут ещё с кухни раздалось громогласное:

– Кирка, а ну иди сюда!

В ответ прозвучало очень грубое:

– Отстань! Я не пойду!

От удивления я вжалась в диван, но мне ещё не так предстояло удивиться.

– А ну, иди сюда, сука, закопаю! – Рявкнул блондинчик Андрюшенька с кухни.

Кира встала и нехотя поплелась туда. Там они минут пять переругивались вполголоса. Друзья Андрея не вмешивались. В комнату Кира вернулась расстроенная, полезла в сумку, достала оттуда не самую крупную, но и не такую уж мелкую купюру, и отнесла её на кухню брату. Вернувшись, она рухнула в кресло и со слезами в голосе произнесла:

– И так всегда! Шёл бы уже работать!.. Теперь напьются как свиньи со всеми вытекающими!

– Кира, пойдём, у меня переночуешь, – пригласила я, поняв, что ничего хорошего тут сегодня девчонке не светит.

– Да, конечно, – живо откликнулась Кира и принялась поспешно заталкивать в сумку смену белья и умывальные принадлежности. Косметику она и так всегда носила с собой.

Я снова удивилась, уже в который раз за этот странный вечер. Кира так легко согласилась пойти ночевать к малознакомому человеку! И это в её-то юном возрасте... Да я в восемнадцать лет от каждой тени постороннего человека шарахалась, а чтобы уйти вот так, без разрешения матери!.. Да...

Неожиданно меня пронзила догадка по поводу молодости её братца. На самом деле это не он выглядел моложе своих лет. Это Кира выглядела старше! Вот откуда оно, это её извечное печально-задумчивое выражение лица. Вот почему она не по годам серьёзна и рассудительна. Какие же ещё сюрпризы скрывает в себе эта ободранная квартирка с её странными обитателями? Стоит ли удивляться тому, что уходя с малознакомой молодой женщиной в ночь, Кира ни слова – ни полслова не сказала своим домашним о том, куда она пошла и когда вернётся?

Пока мы шли до остановки, Кира поведала много интересного. Оказывается, отца её, которого она очень любила, уже лет пять, как нет в живых. Повесился. Не выдержал постоянных ссор с женой и её родственниками. В последние свои годы он пристрастился к выпивке.

Позднее я видела фотографию отца Киры армейских времён. С неё на вас смотрели те же печально-задумчивые глаза, которые очаровали меня когда-то в том милом магазинчике открыток. Дочь поразительно похожа на отца, и этот факт не даёт мне покоя до сих пор. Печальные глаза, склонность к мрачным раздумьям, суицид... Успокаивает только то, что Кира в отличие от отца и прочей родни, относится к спиртному резко отрицательно, и даже по праздникам не пригубит бокал шампанского.

Кира рассказала, что квартира их когда-то была трёхкомнатной, но мать обменялась с соседями на двушку, взяв с них солидную доплату, которую благополучно пустила по ветру.

Несмотря на совместное проживание, Кира ведёт отдельное от матери с братом хозяйство, но не потому, что она так захотела, а потому что в пятнадцать лет ей было объявлено о полной её самостоятельности, в том числе финансовой.

– Они меня отлучили от холодильника, – буднично поведала Кира. – Сказали, что я могу брать оттуда только то, что положила сама.

Пришлось ей устроиться на работу ночной няней в круглосуточный детсад. Там же она по совместительству мыла пол, драила унитазы, и на заработанные деньги жила и даже оплачивала ими учёбу в строительном колледже. Поступить с её школьными знаниями на бюджетное отделение не удалось. Ещё Кира до восемнадцати лет получала пенсию за отца, которой почти никогда не видела, зато у брата чаще всего оказывалось две, поэтому он не считал нужным работать или учиться.

Кира вообще стала первой из своей семьи, не считая рано умершего отца, у кого за плечами было среднее специальное образование и какая-никакая профессия. Мать с грехом пополам окончила в своё время восемь классов и работала истопником в котельной. Брат ушёл из школы в седьмом в классе, так и не получив аттестата. То, что зарабатывала Кира, он частенько отбирал у неё и пропивал со своими друзьями.

Вдобавок ко всему, их очаровательная молодая маман не считала нужным платить за квартиру, о чём Кира узнала буквально на днях. Там уже накопился дикий долг, который не погасить сразу ни с какой полочки, и это при том, что Кира отдавала свою часть оплаты коммунальных услуг регулярно. Похоже, им грозит выселение в относительно недалёкой перспективе.

От всего этого коммунально-бытового ужаса кожа моя покрылась мурашками, которые очень долго не желали покидать меня. Не давал покоя один вопрос: как эта роза выросла на такой помойке? Как не дала себя вмять в то же дерьмо, в коем бултыхались все без исключения её близкие и дальние родственники? Ведь она не только осталась трезвой и целеустремлённой, но ещё и целомудренной. Можете себе такое представить? Похоже, я встретила с каким-то уникалом.

Однако вскоре действительность показала мне, что Кирюша вовсе не была ангелом, хотя долгое время представала в моих глазах именно в такой ипостаси.

Муж мой в тот далёкий вечер уехал на несколько дней проведать своих родных в области, дочка гостила у бабушки с дедушкой, и мы с Кирой провели чудесный вечер за чаем и душевными разговорами. Я предлагала купить по дороге пивка, но Кира наотрез отказалась. Позже она отказалась и от предложенной мной сигареты. Поразительно чистая девушка для нашего времени!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.